

Николай КОВАЛЬ родился в Сибири (деревня Зимник, Красноярского края) в 1941 году. Трудовую деятельность начал корреспондентом в редакции районной газеты «Красное знамя» (село Абан). Служил на флоте. Первый рассказ «Время подумать» был опубликован в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта» в 1963 году.

После службы окончил Ульяновский политехнический институт. Пишет стихи и прозу.

Автор книг стихов: «Таёжный звон», «Серебряная пыль», «Родные узоры», «Далёкое эхо», книг рассказов «Двадцатый век», «Марафон», повестей «Чёрное остаётся чёрным», «Залив Становления» и др.

КАК БОГ ДАСТ

Первый раз мужа Христины призывали в армию осенью, через три месяца после начала войны. А спустя год он вернулся домой, уволенный в запас «подчистую», по состоянию здоровья. Пришёл еле живой. Кожа да кости. В глазах пустота, на голове седина. Служил в тыловых войсках катальщиком валенок. Работа тяжёлая: в горячем пару помахай восемь часов отсыревшей каталкой под пуд весом. Тыловой паёк для писарей вроде бы и терпим, а вот для катальщика хилый. Ко всему прочему, молодые старшины – командиры, показывая патриотическое рвение, устраивали по ночам марш-броски. Мол, «тяжело в ученье – легко в бою». После них становилось совсем неважно. Усталость валила с ног. В итоге он, жилистый и крепкий мужик, оказался «не годным к службе» из-за истощения.

– Жратвы не хватало, – рассказывал Иван сорокапятилетней жене. – Голодные, как волки в зимнюю пору. При такой нагрузке, что такое щи без мяса да пяток ложек «кирзухи»? Молодым проще было выживать; они в ближних сёлах к бабам на подкормку пристраивались...

Через полгода, на картошке и молоке, поправился. Изжил синеу под глазами и дрожь в руках. Окреп. Стал, как и в предвоенные годы, показывая характер, покрикивать на жену. Христина на это не обижалась. Бог с ним! Главное – изменился. Руки на неё перестал поднимать. То ли научился сдерживать себя со старшинами – самодурами, от которых натерпелся вдоволь, то ли помнил своё обещание старшему сыну. Ну а так – пусть шумит. Пусть, раз хочет чувствовать себя главным в семье.

После возвращения мужа жить стало легче: и с дровами, и с уходом за скотиной. В колхозе за зимнюю пору один отработал годовые нормы по трудодням. «Вот и хорошо, – радовалась Христина. – Худо-бедно ли, детвору на ноги поставим». Старшая дочь в шестом классе учится. И вдруг...

Под вечер, закончив посадку лука в огороде, она увидела, что под навесом, где муж обычно столарничал, никого нет. Вошла в хату. Иван сидел сумрачный за столом и, матерясь, возмущался. В такт словам рука, сжатая в кулак, опускалась на столешницу, от чего та издавала жалобный звук.

– Что случилось? – спросила его, предчувствуя беду.

– Ничего! Вон повестку почтальонка принесла!

В ногах появилась слабость. Христина безвольно присела на широкую лавку, стоящую вдоль стены.

– На кого? На Андрея?! Ваську?!

– Дура! Не похоронку, а повестку! – И стал, возмущаясь, пояснять: – Кроме меня у нас больше никого призывать! Три сына на фронте. При царе одного мужика в семье всегда оставляли. Чтобы семья жить могла. А сейчас гребут подчистую. Я первую германскую отбухал. Не боялся в передраги лезть. Полгода в госпитале провалялся. Еле выкарабкался после ранения. На этой в тылу чуть не загнулся. Думал, отдал долг, отслужил. И на тебе, опять под ружьё!

– Господи! – облегчённо вздохнула Христина, но сообразив, как это обернётся лично для неё, запричитала: – Пришёл ни живой ни мёртвый, и снова... Что же творится на белом свете?

– Что толку от твоего нытья?! – цыкнул на неё муж и сказал. – Надо идти в сельсовет разбираться. Мне осталось до пятидесяти лет два месяца...

Председатель сельсовета, на десять лет старше Ивана, философствовать насчёт месяцев не стал, а почесав лохматую голову, просто подитожил:

– Значит, надо! Немца попёрли. Наших много полегло. Вон похоронок сколько. Требуются солдаты.

– Что значит надо? После пятидесяти лет не берут!

– Так ведь после! Потому и берут, что потом нельзя будет! Выясняй в военкомате. Я ничего поделать не могу, – и намекнул, сочувствуя: – Сам знаешь, что будет, если не пойдёшь. Поведут в другую сторону! Ты же не дурак. Как иные, в лесу прятаться не станешь?

Никифор намекал на дезертира Полинара, который, получив повестку, затаился в лесных дебрях и уже второй год берёт там свою жизнь. В итоге в селе прижилась презрительная поговорка к тем, кто хитрил, мол, «Ты что как Полинар?». И обиднее прозвища в общении людей не было.

– Бегать по болотным местам не буду! Но и в штыковую в мои годы ходить несподручно.

– Ты катальщик. Даст Бог, попадёшь в ту же часть.

– Если бы Бог с правдой дружил, оно, конечно, и неплохо было бы. Только там тяжелее, чем на фронте.

– Ну, не знаю! Сам выбирай. Но вот что тебе скажу, между нами: кто-то насчёт тебя из наших побеспокоился. Настучал. Соображай, кто это мог? В общем-то, если по-нормальному, не должны бы тебя снова призывать...

По возвращении домой на немой вопрос жены Иван лишь безнадежно махнул рукой в ответ.

– Всё решится в районе. Наш председатель колхоза походатайствовал. Факт! Боится меня, гнида!

– Да разве колхозу не нужны мужицкие руки?

– Максима не знаешь?! Я для него как горящий утюг под пятками. Вот и хочет от меня избавиться.

– А зачем перечишь ему? – Христина всхлипнула. – Шибко характерный, а воли жить по рассудку не издает. Сидел бы тихо, кряхтел, что плохое здоровье, никто и не вспомнил бы про тебя.

Упрекнула, осознавая, что этим ничего не исправит.

– Что ты понимаешь, баба! Там в частях люди с голоду пухнут, а этот... Вору потакать что самому воровать. А доносы писать противно. Я ему так и сказал в глаза.

Пьянящий запах цветущей черёмухи незримо проник через раскрытое окно.

– Вот-вот! Свекровь и говорила, что ты весь в деда. За правду коль, так сразу кипяток. Ну вот и получил.

– Зато по чести живу. А хитрых рвачей, норовящих за счёт других пожить, терпеть не могу. От них, дурацких, все беды и неприятности в жизни этой. Сколько горя из-за них люди мыкают.

– Батька твой из-за отстаивания правды, пять лет как прошло, пострадал, и ты из-за неё снова пойдёшь в армию.

– А может, и нет? Это ещё как посмотреть! Только батька говорил, что правдивый человек самый важный для жизни. Он за пазухой никогда камень не держит. Правдивое слово совесть и честь сохранять помогает, – и, немного подумав, обобщил; – Честный самый нужный, но, к общему сожалению, самый незащитный человек. Однако, даст Бог, не пройду медкомиссию в военкомате.

– Оно так, если бы умел хитрить. А так, подначит тебя, сразу и станешь хвалиться, что ты ещё «что-то!»...

На комиссии, как и предполагала жена, Иван не стал прятаться за старое ранение и заключение предыдущей медкомиссии о непригодности. Не зря творит: честная откровенность рождает характер, а характер в итоге определяет судьбу. С гордостью

подтвердив, что он мужик не хуже других, поприсядал, как просили, попрыгал и был признан годным к строевой. Однако на предложение идти в тыловую часть, где служил, отказался наотрез:

– Лучше меня на фронт отправьте!

– Простота деревенская. Таким, как ты, лучше здесь, в тылу. Без непредсказуемых крайностей...

– А я добровольцем...

Провожая мужа, Христина в слезах причитала:

– Что же ты наделал? Одна с четырьмя остаюсь...

– Понимаешь, хитрых много, но кому-то надо и страну защищать. Пусть батьку загубили ни за что, но мне лучше быть всё же там, чем умирать в тылу от голода. Одно вот только жаль: невезучий я. Боюсь, не вернусь...

К отцу, осознавая, что происходит, жались дочери. Самый младший сын, которому не было и двух лет, сидел чуть поодаль на густой пахучей ромашке во дворе в грязной холщовой рубашонке и плакал в унисон вместе со всеми, не понимая, что происходит.

Иван взял четырёхлетнего сына на руки, подкинул вверх, поймал и с надеждой в голосе сказал жене:

– Он уже будет меня помнить. Береги его. Хорошо, если грамоте выучится. Ну а младший как Бог даст. Если что... Значит, тебе будет легче.

– Иван, что ты говоришь?! Как можно...

Муж перекрестился. Смахнул невольную мужицкую слезу со щеки и, чувствуя, что сказал не то, добавил:

– Ты не обижайся на меня за эти слова. Время такое. Сама понимаешь. Уж как Бог даст...

Бог дал. Похоронка, сообщавшая, что в бою под городом Рудня «пал смертью храбрых сержант Иван...», ждать себя не заставила...

* * *

А младший сын Ивана выжил, вырос. Трудится на родной земле, родителей поминает. А год назад 9 мая прошел в колонне Бессмертного полка, высоко над головой подняв портрет погибшего отца.

